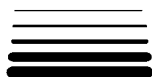
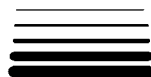

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

БАХТИН: ПРОВЕРКА БОЛЬШИМ ВРЕМЕНЕМ **XIV Международная Бахтинская конференция** **(4 — 8 июля 2011 г., Бертиноро)**

Творческое наследие великого отечественного мыслителя прошлого века вызывает в мире не только не ослабевающий, но даже все возрастающий интерес. Бахтинские конференции проводятся регулярно с 1981 г. на базе ведущих университетских центров Бразилии, Великобритании, Германии, Дании, Израиля, Индии, Италии, Канады, Мексики, США, Финляндии, Франции. Как это ни удивительно, но только одна такая конференция прошла в России (в 1995 г. в Москве).

Ниже мы публикуем обзор этой конференции, содержание которого, как представляется, выходит за рамки простого обзора и ставит серьезные вопросы о состоянии современного бахтиноведения и месте в нем отечественных специалистов, прежде всего — философов.

Публикуем также несколько откликов, полученных редакцией на этот обзор. Думается, что эти материалы могут дать старт серьезной и обстоятельной дискуссии.

УРОКИ РЕЦЕПЦИИ БАХТИНСКОГО НАСЛЕДИЯ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Последняя Бахтинская конференция состоялась 4 — 8 июля 2011 г. в Бертиноро (резиденции Болонского университета — одного из старейших университетов Европы). В ней приняло участие 118 гуманитариев из 23 стран. От России было заявлено 12 докладчиков, из которых только половина приняла участие в работе конференции. В результате отечественная гуманитаристика была представлена на конференции значительно меньшим числом специалистов, чем Британия, Италия, США и даже Бразилия. Ситуация достаточно странная, учитывая удобные сроки проведения конференции и то, что русский язык был ее рабочим языком наравне с английским и итальянским. Причины такого положения дел заслуживают осмысления, и об этом — чуть позже.

Круг тем, затронутых в пленарных докладах и содокладах, докладах на секциях и ежедневных итоговых круглых столах был ожидаемо широк. Ожидаемо — потому что идеи, концепты, подходы, выработанные М.М. Бахтиным, являются не просто чрезвычайно плодотворными для

различных областей гуманитарного знания — от лингвистики и теории литературы до теории коммуникации, психологии, философии культуры и личности. Более того, сфера применения этих идей и подходов все расширяется и расширяется. Поэтому данный обзор, не претендуя на полноту рассмотрения материалов конференции, акцентирует внимание на их философском содержании и значении.

Прежде всего, это относится к идее диалогичности смыслообразования, выработанной М.М. Бахтиным в ставших классическими работах, посвященных поэтике словесного творчества, особенно романам Ф.М. Достоевского. И эта традиция была достойно представлена на конференции в докладах, авторы которых обращались к творчеству не только Ф.М. Достоевского, но и других классиков русской и зарубежной литературы, современных авторов, к осмыслению развития других видов искусств, включая живопись, кино, музыку, архитектуру...

В вызвавшем оживленную дискуссию докладе *В. Крысинского* (Монреальский университет, Канада) было показано, что диалогизм не является прерогативой творчества Достоевского, а представляет собой часть более общей проблемы поли-(мульти-)логизма, свойственного роману модерна и тем более постмодерна (см., например, творчество Х. Кортасара, С. Беккета, В. Пелевина). В этом, собственно, и выражается значение прозы. Если поэзия задает образы, углубляющие и расширяющие восприятие мира, то проза задает избыточные формы интенциональности. Роман, в этом плане, представляет собой структуру с потенциально бесконечными возможностями пролиферации нарративов такой интенциональности, в том числе — разворачиваемой во времени. Другими словами, роман дает возможность оказаться в другом мире, в котором ты не был, и только постепенно начинаешь ориентироваться. Это опыт лиминальности — путешествия точки сборки ответственности автора как героя, и одновременно — возможность расширения опыта читателя — «человека без свойств», приобретающего новые свойства в процессе чтения. В этом плане роман предстает как поисковая игра, пользующаяся ролью случая как основы языка и речи. Это игра с миром внутри мира, когда участвующий в ней читатель и создает собственно роман. Тонкие текстологические наблюдения докладчика позволили ему сделать вывод о том, что у Достоевского как писателя доминирует монолог, а «диалогичность» романов Достоевского — прием (конструкт, модель) осмысления этих романов самим Бахтиным, его собственный «хитрый монолог».

При обсуждении этого и других докладов М.М. Бахтин все более отчетливо предстал, прежде всего как философ-персонолог (сам себя он неоднократно идентифицировал как философа), в силу ряда обстоятельств вынужденный заниматься филологией и историей литературы. В этом плане, конечно же, ключевой его работой является текст о философии поступка, а содержание идей из его цикла работ по поэтике Достоевского и творчеству Рабле — только веточки, листики на этом стволе, уходящем корнями в метафизику нравственности и персонологическую онтологию. В текстах об авторе и герое, о диалогизме Достоевского он, по сути дела, разворачивает феноменологию

формирования сознания и самосознания. А его книга о Рабле (самая парадоксальная и «не бахтинская» книга М.М. Бахтина) представляет собой, по сути дела, попытку поздней защитной рационализации бытия интеллигента в подавляющей среде тоталитарного общества. Поэтому вполне правомерно рассматривать его тексты как жанр персонажного мышления, когда автор вкладывает свои идеи в реальных или выдуманных персонажей. В этом плане Достоевский и Рабле у М.М. Бахтина — персонажи, аналогичные Сократу у Платона, Заратустре у Ф. Ницше или дону Хуану у К. Кастанеды.

Гипертекстуальность диалогизма была рассмотрена **Ф.С.М. Феррас** (Университет Сан-Паулу, Бразилия). В этом докладе отчетливо проявилась тенденция расширения идеи диалогичности до полифонии. Особенно естественно это выглядело применительно к музыке (**Д. Братуж** — Университет Западного Онтарио, Канада). Это было тем более важно, что, как было показано в докладе **М. Де Микел** (Болонский университет, Италия) и в других сообщениях, вовлеченность М.М. Бахтина в интенсивное общение с выдающимися музыкантами и музыковедами его времени существенно повлияла на формирование идей диалогичности и многоголосия в смыслообразовании. Это проявляется и в подчеркивании М.М. Бахтиным роли ритма в смыслообразовании, в таких его аспектах, как переживание и сопереживание.

В этой связи не удивителен был интерес участников конференции к проблеме «живого слова», проблеме речи в тексте, и шире — оральности и слушания в языковом творчестве (**Х.А. Гарсия** — Национальный университет Мехико, Мексика). В докладе **Н. Марчиалис** (Римский университет) было проведено важное для теории сказа различие концепций Веселовского — Эйхенбаума и Бахтина. В первом случае под сказом понимается передача в письме устной речи с помощью специальной лексики, синтаксического построения, других средств. Тем самым, проблема живой речи сводится к проблеме оральности. Во втором случае это установка на чужую речь. Для Бахтина слово в сказе не только изображает, но и само изображается. Оно становится не только и не столько средством повествования и изображения, сколько средством стилизации и, что особенно важно для М.М. Бахтина, — средством передачи чужой интонации. И здесь мы вновь сталкиваемся с бахтинской парадоксальностью. Именно эти условия сказовой передачи диалогичности отсутствуют в текстах Достоевского, у которого чужой «голос» сводится к точке зрения, к ценностной позиции.

Большое внимание на конференции было уделено проблеме внутреннего диалога в формировании речи и сознания. Так, в докладе **Г.С. Хорвата** (Паннонский университет, Венгрия) последовательно обосновывался тезис о том, что без внутренней речи нет сознания, а без сознания нет поступка. Близкие бахтинским идеи о внутренней речи в психологии сформулировал примерно в то же время и Л.С. Выготский. Оба мыслителя подчеркивали роль знаков, языка, освоение («вращивание») которых формирует внутреннюю жизнь, сознание личности. Поэтому, отвечая на вопрос — кто является субъектом внутренней

речи, приходится признать, что внешние и внутренние ее факторы суть одного качества, которое докладчик связывает с «внутренней формой слова». Можно добавить, что примерно те же идеи развивались в то же время Г.Г. Шпетом, а в наше время В.П. Зинченко. При этом оппозицию субъекта и объекта, внутреннего и внешнего уничтожает именно живое слово, с помощью интонации преодолевающее мертвый материал знака, приводя его в движение. По мнению докладчика, артикулирующее и интонирующее мышление, в основе которого лежит внутренний диалог, коренным образом отличается от мышления классифицирующего, в основе которого лежит принцип различия. Эти два типа мышления опираются на принципиально разные онтологии. Исходя из этого, проблему внутреннего диалога следует рассматривать в двух направлениях: письменной речи и процесса чтения. И письмо, и чтение — разновидности внутреннего диалога, представляющие собой при этом особые формы языкового поведения человека.

Д. Боттироли (Университет Бергамо, Италия) в своем обстоятельном докладе, отталкиваясь от выраженного в бахтинской книге о Рабле понимания глупости как самотождественности, предложил модель саморазвивающейся личности. Когда человек не выходит за рамки самотождественности, он не развивается, в том числе не использует свой интеллектуальный потенциал. Развитие — несовпадение с самим собой. С логической точки зрения, это переход от A к его новому качеству, некоему расширению за счет $\sim A$, т.е. к $A \& \sim A$. В этом плане можно говорить о двух видах глупости: $A = A$ и $A = \sim A$. Поэтому развивающий диалог (в том числе внутренний) — это не взаимодействие самотождественных субъектов, это всегда их некое расширение за счет друг друга. Докладчик назвал предложенную модель логикой связи, однако обсуждение доклада показало, что в данном случае речь идет скорее о логике трансцендирования в иное, в не-Я. При этом всякое расширение Я, с точки зрения бахтинской философии поступка, есть расширение зоны ответственности, включение в нее зоны ответственности другого, т.е. чреватое самозванством. Да и сам М.М. Бахтин говорил о возможности принятия лица другого, предупреждая об опасности присвоения чужого лица и сознания.

В докладе **К.Г.П. де Баррос** (Федеральный университет Мату Гроссу, Бразилия) были раскрыты роль и значение активного и творческого понимания, интонирования смысла. Эта тематика активно затрагивалась и в других докладах применительно к педагогике. Так, ряд докладов был посвящен педагогическому значению бахтинских идей (**Д. Бялостоцки, Е. Масси, Е. Полюдова, А. Понцио**), методикам языковой подготовки (**Н.М.Т. Гомес, Л.М.В. Гонсалес**), взаимодействия учителя и ученика через изучаемые тексты (**С. Падилья**), позиционирования личности ученика в группе. Такие методики открывают новые технологии образовательной коммуникации.

И эта тематика оказывается удивительно бахтинской прежде всего потому, что самого М.М. Бахтина остро интересовали вопросы формирования сознания и самосознания, роли Другого. Да и на конференции этим вопросам, а также проблемам субъективности и интерсубъектив-

ности было уделено немало внимания. Удивительно актуальным оказалось обращение к ранним бахтинским идеям (как самого М.М. Бахтина, так и Н.М. Бахтина) о фундаментальной роли осязательности, телесных практик в формировании сознания, социальности, в искусстве.

Именно в этом ключе прозвучал весьма эвристичный доклад *Р. Алваро* (Национальный университет Мехико, Мексика), в котором было развито понимание мира смыслов как мира чувств. С этой точки зрения современный *sensu* есть поток эмоций в духе известной трактовки современности З. Бауманом как «жидкой», текучей среды. Этот поток все больше заменяет человеку общества массового потребления разум, делая его мысли все «короче», облегчая манипулирование общественным и индивидуальным сознанием. Не исключено, что такой подход проясняет современную ситуацию «означающих без означаемого» как их самодостаточности в качестве источников новой чувственности без смысла как разумного основания ориентации в этом мире.

Как бы то ни было, но на конференции открылись актуальность и значение бахтинского творчества для исследований современных социальных практик, включая прикладную политологию. *Е. Йовичич* (Университет Британской Колумбии, Канада) и *С. Бриони* (Уорвикский университет, Великобритания) был рассмотрен хронотоп постколониальной гетерогенности как многоголосия. В докладе *Я. Панагеотоду* (Университет Иоаннина, Греция) была представлена полифония демократического социального взаимодействия и политической критики, в докладе *Н. Фоксли* (Университет Центрального Ланкашира, Великобритания) говорилось об особенностях идеологического политического дискурса, в докладе *Д. Холла* (Бахтинский центр Университета Шеффилда, Великобритания) — о репрессивной установке этого дискурса. *С. Гросьен* (Университет Оттавы, Канада) предложила «бахтинский подход» к анализу и реализации организационных коммуникаций, а *М. Хаккарайнен* (Университет Хельсинки, Финляндия) рассмотрела проблему разрыва между идеей и ее реализацией в контексте кросскультурного менеджмента, когда оценка эффективности должна включать не только степень достижения цели, но и интерпретацию понимания как цели, так и результата. В докладе *К. Мэлоуи* (Йоркский университет, Канада) были рассмотрены два типа эпистемологии несправедливости: выявляемой простым подтверждением фактами и логической аргументацией, а также выявляемой посредством герменевтического истолкования.

Такая проблематика довольно неожиданно выявила перспективу исследования бахтинской идеи «участного мышления» в контексте проблем «практических рассуждений» (practical reasoning), логики норм и оценок, иллюкутивных (предписывающих, побуждающих) речевых актов. Как известно со времен Д. Юма, из знания действие следовать не может. А вот за действием всегда следует знание в качестве интерпретации этого действия, его мотивации. Такая перспектива аналитики «участного мышления» и философии поступка чрезвычайно актуальна — хотя бы в контексте анализа технологий и эффективности пропаганды, рекламы,

современных информационных войн, политического и маркетингового манипулирования.

И, разумеется, в этой связи, не был обойден вниманием и круг идей книги М.М. Бахтина о Рабле, прежде всего, идеи карнавала и хронотопа. Карнавализация в социальной и исторической динамике была рассмотрена *Л. Кэзи* (Университет Лонг-Айленда, США), *П. Ди Чори* (Университет Урбино, Италия). По замечанию В. Крысинского, М.М. Бахтин в своих характеристиках карнавала опирался на описания венецианского карнавала И.-В. Гёте, который, кстати, подчеркивал роль полиции в организации карнавального действия. В этом плане карнавал никогда и не был спонтанным выражением стихии «низа», а, как и любой праздник, был встроеным в саму культуру, довольно упорядоченным и ритуализированным «специальным событием» (special event).

Получается, что и в случае с карнавалом М.М. Бахтия надо читать внимательно, потому что и в этом случае речь идет о роли погружения личности в стихию коллективного бессознательного, о расширении личностного опыта за счет этого, с одной стороны, и о закреплении институтов культуры — с другой. Этакая обоюдная по отношению к личности и культуре реализация гётевского «*stirb und werde*» (умри и стань)!

Согласно *Д. Джини* (Университет Урбино), реальный карнавал не столько переворачивает реальность, сколько объединяет участников. По мнению докладчика, М.М. Бахтин переоценил снижение ценностей в карнавальном осмеянии, тогда как у Ф. Рабле «смех — средство утверждения новых более высоких ценностей, его вектор был устремлен скорее “вверх”, чем “вниз”». Более того, в обсуждении доклада была выявлена еще более глубокая неоднозначность бахтинской трактовки смеховой культуры как преимущественно культуры «низа». Материал «низа» — это почва не только «народного бессмертия и обновления», но и «смертельной пошлости» в духе «Бобка» того же Достоевского.

Как подчеркнул *Д. Берд* (Университет Шеффилда, Великобритания), М.М. Бахтин писал не об истории карнавала, а об универсальной смысловой структуре праздника, прежде всего — о его социально-личностной роли в тестировании и пересмотре синкретического единства конкретного общества. Дополняя такую идею карнавала современными М.М. Бахтину идеями Н.Я. Марра и О.М. Фрейденберг относительно фундаментальных для художественной формы метафор тела, смерти, еды, докладчиком был предложен глубокий анализ образной системы творчества другого бахтинского современника — С. Эйзенштейна в его фильмах «Броненосец Потемкин» и «Иван Грозный». Такая метафорика играет особую роль в переходные эпохи, когда рушится традиционная система культурных ценностей и смыслов и приходится заново переосмыслять действительность и место личности в ней. Соглашаясь с автором, можно было бы добавить еще один пример выплеска архаического сознания того времени, выразившегося в мумификации тела Ленина. Сюжет весьма в бахтинском духе понимания карнавала: организация советских политических праздников на центральной площади столицы, где размешено капище, в центре

которого — непогребенный труп, на капище трибуна, с нее вожди приветствовали радостные толпы граждан.

Л. Бандламуди (Нью-Йоркский городской университет, США) показала новые возможности прочтения таких памятников культуры, как «Махабхарата», опираясь на бахтинскую концепцию хронотопа. **Р. Фернандес** (Мичиганский ун-т, США), опираясь на ту же концепцию на материале фильмов Д. Кэмерона «Темный Ангел» и «Аватар», предложила анализ современного соотношения телесности и идентичности, их интеграцию в «соматопе». Хронотоп и карнавал в творчестве Гоголя был рассмотрен **А. Каттани** (Университет Сассари, Италия).

Особый интерес участников конференции вызвали сообщения, посвященные вновь открывшимся обстоятельствам истории создания текстов и концепций М.М. Бахтина, представителей так называемых невелиского и витебского философских сообществ, одним из лидеров которых был М.М. Бахтин, и за которыми закрепилось название «бахтинского круга». Речь идет о круге талантливейших российских интеллектуалов, ярких творческих личностей, пытавшихся не только выжить и работать в условиях жесткого идеологического давления и репрессий, реализуя опыт отечественной и европейской научной, философской и религиозной мысли, но и в чем-то, по возможности, использовать возможности социологического подхода к сознанию и языку, гипертрофированного советским марксизмом.

Вслед за С.С. Аверинцевым, **Ю.П. Медведев** и **Д.А. Медведева** (Санкт-Петербургский Союз писателей) в своем докладе отметили, что до сих пор остается секрет личности Бахтина, который он разделил с теми, с кем его поверх всяких барьеров разномыслия связывала судьба. В докладе было рассмотрено содержание совместных работ П.Н. Медведева и В.Н. Волошинова о музыкальном творчестве, новая информация о Л.В. Пумпянском. Как показано в докладе, такие идеи, как идея «вне-находимости», критическое отношение к «материальной эстетике», роль общения развивались П.Н. Медведевым задолго до знакомства с М.М. Бахтиным и независимо от него. А введенные в научный оборот тексты и архивные документы позволили заглянуть в творческую лабораторию «мыслительного коллектива» бахтинского круга.

Проведенный **Н.И. Николаевым** (Санкт-Петербургский государственный университет) анализ дискуссии вокруг доклада Л.В. Пумпянского «О марксизме», прочитанного в октябре 1924 г. в Ленинграде в возобновленном «Невелиском кружке», раскрывает круг проблем и интересов членов «мыслительного коллектива» относительно соотношения экономики и культуры, социальной обусловленности культуры. А составленный Л.В. Пумпянским список книг и авторов, проработанных за первую половину 1920-х годов, свидетельствует о повышенном интересе членов кружка к православной догматике.

Н.Л. Васильев (Мордовский государственный университет, Саранск) представил новые факты начала научной деятельности В.Н. Волошинова, включая статьи, планы и структуры планировавшихся им работ, ряд соображений из которых вошел потом в его публикации. Это дополнитель-

но свидетельствует о том, что В.Н. Волошинов и П.Н. Медведев были не «авторскими масками» М.М. Бахтина и отнюдь не дилетантами в науке, а играли важную посредническую роль между «марксистской наукой» и М.М. Бахтиным, оказавшимся в маргинальном положении.

Источники социологического подхода к языковым явлениям, психике, поэтике, предложенного В.Н. Волошиновым, — как марксистские (А. Богданов, Н. Бухарин), так и немарксистские (П. Сорокин, Е. де Роберти) были прослежены *И. Тыковски* (Университет Лозанны, Швейцария).

В докладе *Г.Л. Тульчинского* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) были прослежены схождения и расхождения философских взглядов М.М. Бахтина и его старшего брата Н.М. Бахтина — задача интригующая для выявления важных линий развития как отечественной, так и мировой философии Новейшего времени в силу ряда обстоятельств. Помимо масштаба обоих мыслителей и личностей, предпринятый анализ выявляет глубокую духовную близость братьев в юности и молодости, общность интересов и круга общения в студенческие годы, их интерес к философской персонологии, в основе которой лежит метафизика свободы и ответственности и которая была сформулирована М.М. и Н.М. Бахтиными минимум за семь лет до публикации книги «Бытие и время» М. Хайдеггера. Оба мыслителя в 1929 — 1932 гг. вышли к глубоким культурологическим обобщениям. При этом, несмотря на большое влияние старшего брата, признававшееся М.М. Бахтиным на закате жизни, в зрелые годы между братьями сложились неоднозначные отношения, причины чего, похоже, крылись в услившемся с годами расхождении в их отношении к христианству.

Б. Жико (Гданьский Университет, Польша) показал, что в «нравственной философии», развивавшейся «Невельским кружком» в 1918 — 1920 гг. важнейшее значение придавалось критике «теоретизма», «разрыва между жизнью и культурой», «дуализма познания и жизни». Этот «теоретизм» чреват отчуждением смыслов от жизненной основы, понимаемой как совокупность поступков. Наука, искусство, философия приобретают самодостаточный статус, порождая некий иллюзорный мир, понимавшийся М.М. Бахтиным как отчетливый симптом кризиса европейской культуры. И задачей гуманитарной мысли является преодоление этого «рокового дуализма».

Д. Уицка (Варшавский ун-т, Польша) рассмотрела круг общения молодого М.М. Бахтина, оказавший серьезное интеллектуальное влияние на формирование мыслителя. *Д. Ларокка* (Университет Пизы, Италия) в докладе по реконструкции теории словесного творчества Л.В. Пумпянского убедительно показала, что в данном случае речь идет о развитой и глубокой теории стиха и прозы. Более того, именно Л.В. Пумпянскому принадлежит термин «роман поступка» и «Квалификационный поступок», которые он применил в анализе прозы И. Тургенева.

В докладе *М. де Микел* (Болонский университет, Италия) и некоторых других сообщениях по-новому раскрылась роль М.В. Юдиной, представшей не только как яркая творческая личность («любимая пианистка Сталина»), как человек богатого духовного опыта, но и как активная участница интеллектуальных дискуссий, внимательно читавшая тексты

друзей, оставляя в них важные комментарии. Скорее всего, именно под ее влиянием музыкальная культура так глубоко вошла в основу ряда идей и концепций ее коллег («полифония», «многоголосие» и др.).

Как было точно отмечено **С. Сини** (Университет Восточного Пьемонта, Италия), «М.М. Бахтин предстал не одиноким культурным героем в пустынных русских степях», а одним из плеяды ярких мыслителей, работавших в советское время на магистральных направлениях гуманитарного знания, не только созвучных своему времени, но и в чем-то его опережавших, создававших существенный задел на будущее. Их идеи оказываются важными и плодотворными для современных разработок по металингвистике, теории текста, контекста и гипертекста, теории прозы, нарративности и дискурсивных практик, словесного творчества, теории изобразительного искусства, кино, художественных и других социальных коммуникаций, включая массовые и корпоративные, теории и философии культуры.

Как следствие, на конференции четко выразилась переоценка отношений М.М. Бахтина и «его окружения». Если еще недавно М.М. Бахтин выступал как своеобразный культурный герой, «основавший то-то», «давший начало тому-то», которому приписывалось авторство работ Волошинова и Медведева, то теперь уже становится ясным, что «бахтинский круг» это отнюдь не некая «школа», главой которой являлся М.М. Бахтин. Как подчеркнул **А. Понцио** (Университет Бари, Италия), это было неформальное сообщество интеллектуалов, интенсивно общавшихся, обсуждавших общие темы и проблемы, читавших тексты друг друга, высказывая свои соображения о прочитанном. По мнению **С. Падильи** (Федеральный университет Мату Гроссу, Бразилия), немалую роль в этом играло неформальное обыденное общение. И у каждого из участников этого общения был свой голос, который со временем звучит все отчетливее и весомее.

Почему же именно М.М. Бахтин стал титульным представителем и выразителем этого круга идей? Нетривиальная роль М.М. Бахтина, по замечанию **К. Брандиста** (Бахтинский центр Университета Шеффилда, Великобритания), заключалась, прежде всего, в том, что он, как философ, впитывал интеллектуальный и духовный контекст окружения и его проблемы. Немаловажную роль сыграли и удачная, нетривиальная терминология, которую он использовал: «участное мышление», «не-алиби-в-бытии», «диалог», «хронотоп», «карнавализация», «смеховая культура»... Как известно, каждый крупный мыслитель оставляет некие термины, за которыми стоят идеи, вносящие новое видение и понимание мира, общества и человека: «абсолютная идея» и «диалектика» Гегеля, «сверх-человек» Ницше, «симулякр» Бодрийяра, «деконструкция» Дерриды... В этом плане М.М. Бахтин оставил целую россыпь таких концептов. Кроме того, в силу особенностей своего трудного профессионального пути, М.М. Бахтин был вынужден заниматься многим, оставив соображения по чрезвычайно широкому кругу проблем, причем соображения эти изложены непростым языком, стимулирующим интеллектуальные усилия читателя, интерпретатора, переводчика.

Сыграли свою роль и обстоятельства жизненного пути Михаила Михайловича. Пути довольно долгого и трудного. Но Михаил Михайлович дожил до своего признания, в котором важную роль сыграли «открывшие Бахтина» молодые яркие «властители дум» 1960-х: С.С. Аверинцев, В.В. Кожинов, Б.М. Сарнов, В.Н. Турбин. Позже свое веское слово сказали такие исследователи, как С.Г. Бочаров и В.Л. Махлин. Ряд бахтинских идей, благодаря таким известным мыслителям и авторам, как Ю. Кристева во Франции, В. Страда в Италии, быстро нашел отклик за рубежом. Важнейшую роль сыграли сделанные К. Кларк переводы его работ на английский язык. Правда, судьба рецепции бахтинских идей оказалась довольно непростой, по-своему противоречивой и даже коварной. Но об этом чуть позже.

По ходу дискуссий возник вопрос: а надо ли углубляться в детали биографий, личных взаимоотношений, не достаточно ли для обобщений изучения текстов? Ведь окончательно выявить и понять установки, мотивации других людей, тем более тех, кто жил в прошлом, нам не дано. Можно только строить догадки и интерпретации. Например, последний год жизни А.С. Пушкина известен и расписан исследователями по дням, если не по часам, и все равно остается непонятно — почему же произошла роковая дуэль, кто был инициатором скандала ее спровоцировавшего? В таких случаях, по замечанию Д. Улицкой, надо писать не доклады и статьи, а романы и детективы. А вокруг, например, братьев Бахтиных закручиваются такие лихие сюжеты! Одни отношения Н.М. Бахтина с Л. Витгенштейном чего стоят! А членство Н.М. Бахтина в Британской компартии — белогвардейца, прошедшего всю Гражданскую войну, служившего в Иностранном легионе! При большом желании можно найти бахтинский след и в конфликте Л. Витгенштейна и К. Поппера, а через Витгенштейна — и в истории с «Оксфордской пятеркой». И не ездил ли Витгенштейн в Москву с целью передачи денег старшего брата бедствовавшему тогда брату младшему? И какую роль в этой истории сыграла С.А. Яновская — бывший красный комиссар, громившая идеологически чуждые элементы и боровшаяся за чистоту рядов в советской математике? Ведь именно после встречи с нею Л. Витгенштейн отказался от предложенной ему преподавательской работы в Казани, а сама она после этой встречи инициировала развитие в СССР математической логики, вылившееся потом в целое явление в советской философии, позиционировавшееся как альтернативное официозу. Чем не сюжеты в духе детективов У. Эко или Д. Брауна?!

В деталях, однако, кроется не только дьявол, но и важнейшие импульсы осмысления и переосмысления источников и факторов развития идей. А выявление личностных смыслов, их взаимопроникновение — принципиальный момент в методологии гуманитарного знания, которому, кстати, М.М. Бахтин отводил ведущее значение.

В ряде докладов были прослежены глубокие связи М.М. Бахтина и представителей «его круга» с русским символизмом начала XX в. (Д. Босняк, Нижегородский государственный университет), европейским и отечественным авангардом, их споры и переклички не только с фрей-

дизмом и русским формализмом, но и с современными им марксистами Г. Лукачем и А. Грамши.

Серия докладов была посвящена соотношению и корреляции идей Бахтина и его окружения с идеями В. Бенямина, М. Бубера, П. Бурдьё, Э. Кассирера, С. Киркегора, Д. Контини, Э. Левинаса, Г. Миша, М. Фуко, М. Хайдеггера...

Обширный обзор соотношения бахтинских идей и философии XX – XXI вв. был представлен в докладе **Е. Богатыревой** (Российский институт культурологии, Москва). Помимо прочего, в докладе была представлена убедительная реконструкция логики развития идей М.М. Бахтина: от философии поступка и представления о мотивированности бытия – к философии сознания и самосознания, их диалогической природе, и затем – к артефактам культуры, воплощающим смыслы. По мнению докладчика, в обращении к этой логике, прежде всего, – к ответственной позиции автора (осмысляющей личности) кроется возможность преодоления деконструктивизма и постмодернизма.

Правда, в этой все более открывающейся плодотворности бахтинских идей следует быть внимательными. Так, как показало обсуждение доклада **М. Лахтеенмяки** (Университет Ювяскюля, Финляндия), в рассмотрении таких схождений возникает опасность простой инкорпорации бахтинских идей в некие современные контексты (в данном случае – американского структурализма и позднего Л. Витгенштейна). Поэтому, как подчеркнул **Д. Соболев** (Университет Хайфы, Израиль) важны не столько осовременивающие прочтения, сколько сохранение бахтинского диалога с современностью, сохраняющее историчность.

Конференция показала, что, в принципе, можно говорить о двух тенденциях в современной бахтинологии. Первую из них, связанную с экспансией бахтинских идей на все более широкую сферу гуманитарного (и не только) знания, на его методологию, с расширением круга практических применений этих идей в прикладных науках и даже социально-культурных технологиях, можно условно назвать «центробежной». Во многом эта тенденция является следствием «обратной перспективы» рецепции бахтинских идей. Ее действие по-своему противоречиво. С одной стороны, она ведет к размыванию и распылению содержания бахтинских концептов, к превращению их в хорошо узнаваемые метафоры, выходящие за рамки науки в массовое общественное сознание или даже в публицистические штампы вроде затертого до почти полного истончения «диалога культур». С другой стороны, эта тенденция позволяет расширить сферу плодотворного применения идей М.М. Бахтина, способствует росту их известности и узнаваемости, формированию некоей весьма перспективной «бахтинской парадигмы», обладающей настолько высокой степенью общности, что впору говорить (и это прозвучало на конференции!) о том, как можно «бахтинить» (to bakhtin) современность в целом.

Вторая тенденция, условно говоря, «центростремительная», связана с пониманием значения персонологического ядра бахтинской философии. Этот вектор проявляется в двух версиях. Во-первых, в интересе к фактам и деталям биографии М.М. Бахтина и его окружения, в текстологическом

анализе, осмыслении источников бахтинских идей, контекста их возникновения, их соотношения и переклички с другими идеями и концепциями. И, тем самым, во-вторых, как это ни покажется парадоксальным, такая ориентация выводит к нащупыванию и выявлению магистральных трендов методологии гуманитарного знания, к пониманию перспектив его развития, более полному представлению о путях развития как отечественной, так и мировой философии.

Показателен в этом плане затянувшийся на два дня публичный и кулуарный спор о специфике и методологии гуманитарного знания, о его отличии от естествознания. Показателен именно его итогом — осознанием все большего сближения методологии science и humanities, жестко противопоставлявшихся еще несколько десятилетий назад. Несостоятельность этого противопоставления проявилась не только в крахе неопозитивистской программы методологии науки, в выявлении социально-культурных факторов развития естествознания, роли научных коммуникаций и личности ученого. И гуманитарий, и естествоиспытатель задают вопросы, стремятся получить на них ответы, исходя из некоторых онтологических допущений о предмете познания. Более того, по мнению **Ф. Пеллици** (Болонский университет, Италия), можно говорить о сближении science и humanities хотя бы на том основании, что в обеих научных стратегиях речь идет о выявлении некоего единства, в том числе единства раскрываемого замысла бытия (Dasein). Учитывая же объективный исторический контекст, скорее можно говорить даже об экспансии гуманитарного знания на сферу science, и различия между ними оказываются не столько разводящими, сколько различиями в уровне интегральной структуры смыслового содержания опыта. Если естествознание и точные науки останавливаются на уровне предметного содержания опыта, то гуманитарное знание погружается в смысловой и личностный контекст этого опыта.

Например, на конференции был зафиксирован важный переломный момент в понимании сути бахтинской мысли, который был искажен парадоксальностью рецепции бахтинского творчества в отечественную (и не только) гуманитарную культуру в 1960 — 1970-е гг. Всемирный интерес к нему пришел после публикации в 1965 г. книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Резонанс, вызванный этой книгой, резко и существенно усилил интерес к опубликованной в 1963 г. работе «Проблемы поэтики Достоевского» (переработанному варианту опубликованной в 1929 г. книги «Проблемы творчества Достоевского»). В 1960 — 1970-е годы М.М. Бахтин воспринимался как автор идей «диалога», «хронотопа», «карнавала», «смеховой культуры» и связанной с ними амбивалентности в культуре оппозиций народного «низа» и официального «верха», а также духовного «верха» и телесного «низа». При этом идеи диалога и диалогичности были поняты в духе теории коммуникации, а отнюдь не как метафизика человеческого бытия как «со-бытия».

Сыграло свою роль и то, что рецепция эта осуществлялась преимущественно через чрезвычайно авторитетную в те годы московско-

тартусскую школу структуральной семиотики. Более того, поскольку эти авторы были фактически единственным кругом отечественных гуманистов, пользовавшихся заслуженно высоким авторитетом за рубежом, то и там М.М. Бахтин первоначально предстал как автор структуралистской парадигмы, что было только закреплено широким цитированием этих бахтинских идей Ю. Кристевой и другими представителями французского структурализма.

«Бахтин-структуралист» — обстоятельство в высшей степени парадоксальное, что очевидно для любого, кто хоть немного знаком с историей бахтинского творчества, с тем, сколько сил им и его коллегами было потрачено на борьбу с формальным методом и структуральным подходом как таковым! Причем не менее очевиден и другой факт: если кого и можно в отечественной гуманитарной мысли связывать со структуралистской традицией, так это В.Б. Шкловского «со товарищи», а также младших авторов опоязовского круга. Однако в 1960-е годы выживший в годы сталинщины В.Б. Шкловский воспринимался гуманитарной интеллигенцией с либеральной ориентацией как коллаборационист, как «изменщик», отрекшийся от своих ранних работ. Новое поколение гуманистов выбирало духовных учителей. И хотя в позднейших работах В.Б. Шкловский вновь вернулся к кругу идей ОПОЯЗ'а, на роль «культурного героя» он не годился. Таким Прометеем и Вайнемейнером в 1960-е годы стал М.М. Бахтин.

Не следует забывать и то, что 1960-е годы были эпохой последствий «оттепели», и пострадавший от сталинского режима М.М. Бахтин воспринимался как диссидент. А поскольку московско-тартусская семиотическая школа в советское время была своего рода отдушиной свободной гуманитарной мысли, ее представители были яркими выразителями либеральных взглядов. Это, в свою очередь, обусловило и политизированное восприятие бахтинских идей диалогичности и Другого в духе либеральной толерантности и мультикультурализма. Со временем, однако, все более очевидным становился поверхностно-некорректный характер подобного толкования взглядов М.М. Бахтина. В.М. Кожинов оказывается ему (как и его старшему брату) гораздо ближе, чем Вяч. Вс. Иванов, Б.М. Сарнов и даже Ю.М. Лотман. Эти обстоятельства, впрочем, как и выявившиеся недавно факты участия М.М. Бахтина в идеологической кампании против космополитизма, ничего не меняют в научной репутации Михаила Михайловича, в значимости его идей. Они лишь демифологизируют его как личность, показывая реальный контекст его жизни и творчества. Такая квалификация безопасна. Это ни хорошо и ни плохо, это просто констатация общественной позиции выдающегося мыслителя.

Только с публикацией раннего текста «К философии поступка» М.М. Бахтин и стал понятен как мыслитель. В главных своих интенциях и интуициях он был прежде всего персоналистом. Основными его интересами были философия поступка и метафизика нравственности. Бахтинский дискурс, так же как и дискурс Ф.М. Достоевского, анализу которого М.М. Бахтин уделил столько внимания, есть дискурс поиска

оснований личности. Диалог, смех, жанры речи были средствами и поводами для решения этой главной задачи. И главная проблема в таком дискурсе, при всей его диалогичности, — не деконструкция, а проблема конструкции самосознания личности.

Понимание этого отчетливо проявилось на конференции. Так, **М. Соболева** (Марбургский университет, Германия), сопоставляя бахтинский подход с «продуктивной герменевтикой» Г. Миша, квалифицировала такую методологию, как «литературную антропологию», когда ключом к познанию становится личность. Слово при этом становится фактором порождения не только переживания смысла и отношения к вещам, но и самой окружающей действительности, и жизни самой личности, и отношения ее к этой жизни. Познание в гуманитарных науках в этом плане всегда есть познание личности, а в конечном счете — самопознание.

По мнению **С. Сандлера** (Университет Хайфы, Израиль), рост интереса в современной германской философии к С. Киркегору не случайно совпал с публикацией работы «К философии поступка» М.М. Бахтина. У обоих философов акцентирована роль глубокой рефлексии, формирования образа самого себя (С. Киркегор), осознанного занятия уникальной, неповторимой позиции в мире и ответственности за нее в «участном мышлении» (бахтинское «не-алиби-в-бытии»). От традиционной философской парадигмы такой подход отличается так же, как карта отличается от проходимого пути. Мой путь никто никогда не пройдет и не увидит то и так, что и как увижу я. Самого же себя я могу познать только через взаимодействие (диалог) с другими. Подобно слепому пятну в глазу, которое хотя само и не видимо, но является условием реализации самого зрения, «точка сборки» ответственности самосознания является условием не только познания, но и социальной, жизненной активности обладающей сознанием личности.

Однако за рубежом пока еще продолжают сказываться последствия отмеченной выше «обратной перспективы» рецепции бахтинского творчества, когда его предыдущие работы воспринимаются через призму последующих. Обстоятельства эти усугубились именно обратным порядком появления бахтинских работ в зарубежных переводах. Поэтому в сложившемся зарубежном корпусе работ по бахтиноведению его главный персонаж предстал как адепт структуралистского либерализма, что, в свою очередь, немало поспособствовало легкой адаптации бахтинских идей в идеологический контекст эпохи конца прошлого столетия.

На это наслаиваются и проблемы перевода таких терминов, как «поступок». Английское «act», «action» никак не передают всю глубину этого концепта. Поступок — не просто действие, а действие, вменяемое в обоих русских смыслах этого слова — как обладающее рациональной мотивацией и как ответственное одновременно. Не менее странно звучал на конференции и перевод «ответственности» как «answering».

Отмеченные факторы упрощения и банализации бахтинских идей до их редуцированной адаптации к структурным аспектам коммуникации, так же, как и причины такой редукции, отчетливо проявились в содержании и обсуждении докладов **М.Г. Оливейры** (Федеральный университет

Минас Гераис, Бразилия), *А.П.Г. Рибейры* (Университет Рио-де-Жанейро, Бразилия), *И. Сакраменто* (Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия) и *Д. Пинеиро* (Федеральный университет Гойяса, Бразилия), посвященных истории и нынешнему состоянию бахтиноведения в Бразилии.

В результате зарубежным бахтиноведением практически не учитывается ряд важнейших источников идей и концепций самого М.М. Бахтина и его соратников. Это теория знаковых систем, альтернативная как семиологии, восходящей к структурализму Ф. де Соссюра, так и к семиотике, восходящей к американскому прагматизму и логике отношений Ч.С. Пирса. Речь идет о традиции, восходящей к В. Гумбольдту, В. Вундту, В. Фосслеру, А. Марти, продолженной в России А.А. Потебней. В отечественной литературе эта традиция получила название «глубокой семиотики», потому что она основана на утверждении принципиальной роли личности как источника, средства и результата смыслообразования и осмысления. К этой традиции (с учетом всех различий философских позиций и сфер деятельности) принадлежали П.А. Флоренский, Г.Г. Шпет, С.И. Булгаков, А.Ф. Лосев, Д.Ф. Егоров, Н.Н. Лузин, О.Э. Мандельштам. К ней же принадлежал и М.М. Бахтин. Немаловажно и то, что на взглядах большинства перечисленных (титულных для отечественной культуры) мыслителей существеннейшим образом сказалось осмысление духовного опыта православного исихазма, ярко выразившегося в вызвавшем немалый резонанс в предреволюционной России движении «имяславия», восходящего к неоплатонизму и паламизму.

Вся эта глубокая традиция достаточно чужда западноевропейским и американским гуманитариям. Именно этим объясняется прозвучавшее на конференциях удивление некоторых ее участников — зачем, мол, переводить уточненные бахтинские тексты, ведь сложилась обширная англоязычная бахтинская литература — и убеждение в том, что именно в английских переводах и представлен «настоящий Бахтин».

Тем более важным стал призыв *К. Томсона* (Гуелфский университет, Канада), одного из «отцов-основателей» зарубежного бахтиноведения, сыгравшего наряду с М. Холквистом и К. Эмерсоном — первыми переводчиками бахтинских работ на английский язык, К. Кларк (Йельский университет, США) — автором первой биографии М.М. Бахтина и К. Брандистом (руководителем Бахтинского центра Университета Шеффилда, Великобритания) решающую роль в привлечении внимания за рубежом к творчеству и личности М.М. Бахтина, призыв «перечитать» бахтинскую работу «К философии поступка». По признанию К. Томсона, первоначально он воспринял этот ранний, не опубликованный при жизни автора текст, как выражение некоей «паранойи в поисках Другого», как риторику боязни поступка и ответственности. Но по прошествии времени, с появлением ряда работ российских авторов, пришло понимание ключевой роли философии поступка в философии и методологии М.М. Бахтина.

Известная итальянская исследовательница творчества М.М. Бахтина *М. Де Микел* также настаивала на необходимости «реконцептуа-

лизации» — нового прочтения М.М. Бахтина — с учетом истории развития его мысли. Иначе получается как в шахматах: все ходы вроде бы верные, но их последовательность не та, не соответствует правильной стратегии.

Такие авторитетные признания особенно примечательны, потому что благодаря им М.М. Бахтин предстает выразителем мегатрендов философии Новейшего времени. Речь идет о смещении за последние два столетия традиционно акцентированного интереса философии от сущего (бытия как такового) к способам познания этого сущего (методология, эпистемология), а затем к условиям реализации этих способов (прежде всего — к языку, культуре), и на наших глазах — к личности как источнику, средству и итогу этого процесса. И выше уже говорилось о сдвиге гуманитарной парадигмы, открывающем перспективы нового синтеза теории познания, этики и эстетики, а возможно и науки, искусства и духовного опыта. В этой связи М.М. Бахтин оказывается удивительно актуальным мыслителем, не только предугадавшим эти тенденции, открывшим их ясные перспективы, но и давшим аппарат для работы с этими перспективами. «Проверку большим временем» М.М. Бахтин выдержал более чем сполна.

Но есть и опасность новой упрощающей редукции, порождающей отчуждливую перспективу «переадаптации Бахтина». Такая перспектива явно прослеживалась в том же выступлении К. Томсона, увидевшего ключ к новому прочтению бахтинских текстов в необходимости учета психоаналитических аспектов, а главное — религиозного фактора, увязывающего идеи поступка, ответственности, «не-алиби-в-бытии» с религиозным контекстом. Похоже, нас ожидает третья волна понимания творчества М.М. Бахтина, вслед за структуралистским и либералистским (причем, похоже, с той же степенью «адекватности» интерпретативного прочтения) — волна религиозно-православная, причем грядущая неожиданно с Запада, да еще и с психоаналитической (в духе Ж. Лакана и Ж. Гваттари) составляющей. И такая перспектива выглядит вполне реальной: некоторые доклады европейских экспертов на тему бахтинской концепции карнавальной смеховой культуры напоминали давнюю идею Б. Гройса — идею понимания России как «подсознания Европы»: речь в них шла скорее о рефлексии над феноменами бессознательного в европейском общественном сознании. Показательно и то, что на конференции даже не упоминались имена Э.В. Ильенкова, В.С. Библера, А.С. Арсеньева, Ф.Т. Михайлова, других советских философов, глубоко разрабатывавших комплекс бахтинских идей, создавших целую традицию, школы. Их работы остались — и похоже останутся — вне поля зрения зарубежных бахтиноведов.

Пожалуй, главным итогом конференции стали все более расширяющиеся горизонты и глубина идей и подходов, предложенных М.М. Бахтиным и другими отечественными гуманитариями XX в. В этом смысле возможность «бахтинить современность» оказывается и открывающимся окном доступа зарубежных гуманитариев и философов к российской философской, гуманитарной и общественной мысли, отнюдь не прозябавшей последнее столетие под ледовым панцирем идеологического

догматизма и начетничества. И внимание, интерес к ее потенциалу в мире нарастает. Поэтому бросающуюся в глаза низкую ответную по отношению к этому интересу активность отечественных гуманитариев нельзя квалифицировать иначе, как вопиющую и опасную неадекватность. Конечно, отечественная философия и гуманитаристика остро нуждаются в диалоге с зарубежными коллегами. И, как показала данная конференция, это может и должен быть диалог равных. Иначе волна иногда культивируемой закомплексованности, неполноценности перед лицом современной зарубежной гуманитарной мысли приобретает способность смыть собственный культурный слой в сознании новых поколений, которым придется «бахтинить современность» в переводе с английского, итальянского, а то и португальского.

Рефлексируя проблему

Алексей ДАВЫДОВ

Искренне благодарен автору подробного и концептуально насыщенного обзора XIV международной Бахтинской конференции. Его содержание весьма поучительно в плане знакомства российского читателя с зарубежной рефлексией по поводу творческого наследия М.М. Бахтина. Мне нужен был такой обзор, потому что, работая над текстами писателей, философов и их интерпретаторов, я постоянно сталкиваюсь с необходимостью дотрагиваться до их идей, сознательно «обжигаться» ими и «ожогами» проверять качество своего анализа.

Представляя читателю доклад *В. Крысинского* (Монреальский университет, Канада), Г.Л. Тульчинский отмечает: «Тонкие текстологические наблюдения докладчика позволили ему сделать вывод о том, что у Достоевского как писателя доминирует монолог, а “диалогичность” романов Достоевского — прием (конструкт, модель) осмысления этих романов самим Бахтиным». Это заключение Крысинского — по существу, оценка вывода Бахтина о диалогичности текстов Достоевского как домысливания, привнесения в эти тексты того, чего в них нет. Зачем люди собираются на конференции? Чтобы высказать свое мнение о предмете изучения и услышать оппонентов и единомышленников. Точка зрения Крысинского представляется мне важной.

Это совершенно верно, что у Достоевского нет диалога. Более того, его главный герой — «маленький человек» во всех его произведениях, начиная с «Бедных людей» и кончая «Братьями Карамазовыми» — это символ неспособности ни к внутреннему диалогу, ни к диалогу с людьми. Достоевский патологически монологичен. В глубокой раздвоенности русского менталитета и неспособности к синтезу — смысл цивилизационной неудачи русской культуры и великое открытие Достоевского.

Так что же, Бахтин ошибался? И да, и нет. Бахтин не выстроил теорию внутрицивилизационного диалога. Но он указал на гораздо более важное — на жажду в русском человеке такого диалога, тоску по диалогу,

требование диалога. Он затронул самое болезненное в русской культуре — то, к чему мы, русские люди, совершенно не способны, не выработали в себе за века своей истории. Д. Карнеги подчеркивал, что строительство теории диалога надо начинать, опираясь на постулат об искренней заинтересованности человека в том, что делает другой. Теории выстраивания такой заинтересованности на русской почве до сих пор нет, несмотря на усилия русской философии, народнического анализа культуры и достижения А.П. Чехова. Бахтин стал единственным после Достоевского и Чехова деятелем русской культуры, который поставил вопрос о необходимости такой теории. Ее необходимость он выводил не из достижений западной и славянофильской мысли. И даже не очень-то из логики Достоевского (прав Крысинский). Он выводил ее из природы русского человека, пытающегося вырваться из-под диктата исторически сложившихся стереотипов русской культуры и цепких объятий тоталитарного советского режима. Он выводил ее из анализа патологии российской ментальности и стремления русского человека формировать в себе личность. В этом его заслуга. И если российская аналитическая мысль двинется когда-нибудь по пути Карнеги, то она должна будет постоянно опираться на «жажду диалога» Бахтина. Мне интересно было бы познакомиться с текстом доклада монреальского профессора.

И второй момент в обзоре материалов Бахтинской конференции, на который я хотел бы обратить внимание, — это вывод самого автора обзора о том, что творчество Бахтина за границей изучается гораздо более интенсивно, чем в России. Я разделяю досаду Григория Львовича и думаю, что этот парадокс не случаен. Пафос творчества Бахтина несет в себе идею личности, свободы, идею права человека на голос, творчество, переосмысление. А это не то, что победило в России после 1991 г. Наш нынешний менталитет — и это уже не парадокс — все еще в советской России. Мы все еще не слышим Бахтина. Мы не хотим вместе с ним осмысливать основания поступка личности в условиях засилия культуры и ее исторически сложившихся стереотипов. Бахтин людям нужен. И, возможно, не столько западному человеку, сколько нам, россиянам, которые находятся все еще на дальних подступах к решению задачи формирования гражданского общества в России. И я благодарен автору обзора, за то, что он знакомит российского читателя с творчеством нашего замечательного соотечественника. Пусть и через достижения западной бахтинологии.

Инна ТЫЛКОВСКИ

Была очень удивлена новой волной психоаналитической интерпретации идей М.М. Бахтина, тем более что рецепция Бахтина через призму идей Ж. Лакана (именно так Бахтин был представлен франкоязычной публике в 1970-е годы Ю. Кристевой и до сих пор воспринимается большинством французских исследователей, которые, кстати, не были представлены на конференции) очень сильно критиковалась и до сих пор критикуется, например, Патриком Серио. И вопрос остается открытым.

Игорь КЛЮКАНОВ

Казалось бы, фундаментальный четырехтомник, который объединил ведущих специалистов по Бахтину из разных стран и который вышел на английском языке в издательстве «Sage» в 2003 г. (Four-volume set Mikhail Bakhtin, ed. Michael Gardnier), охватил все основные темы, связанные с его научным наследием, и расставил в них основные акценты. После такого тщательного и многогранного труда, казалось бы, вряд ли можно ожидать новых прочтений бахтинских работ. Между тем, как верно замечает Г.Л. Тульчинский, «Бахтина надо читать внимательно». А внимательное чтение не может не быть медленным, т.е. наполненным временем. Именно такие прочтения продемонстрировала конференция в Бертиноро, и Бахтин с честью выдержал проверку временем, о чем свидетельствует подробный обзор XIV Бахтинской конференции.

Поражает разнообразие тем, которые обсуждались на конференции: диалогичность, гипертекст, роман, сказ, музыка, полифония, оральность, телесность, биография, методология и т.д. Впрочем, подобное разнообразие не покажется таким поразительным, если учесть, что Бахтин — не столько литературный критик, семиотик, историк литературы или методолог науки (список может быть продолжен), сколько, прежде всего, философ. Именно поиск мудрости, которая дает возможность приблизиться к первоосновам бытия, позволяет ученым из самых разных областей знания находить в идеях Бахтина что-то важное для себя.

Как всякий философ, Бахтин понимал творческий потенциал теоретической мысли, которая стремится за рамки обыденного языка, чтобы выразить самые сокровенные и основополагающие значения. Нетривиальная бахтинская терминология — это, по сути, новый язык, созданный мыслителем. В этом плане можно говорить о поэтичности бахтинской философской мысли. Все истинные философы — поэты (ср. параллель между философией и литературой, которую отмечал Р. Рорти).

Как видно из обзора, при обсуждении многих докладов на конференции Бахтин представал философом-персонологом. Действительно, бахтинский дискурс правомерно рассматривать как поиск оснований личности, что требует осмысления прежде всего природы (нравственно-го) поступка. В то же время самосознание личности, согласно Бахтину, является по природе коммуникативным (ср. следующее известное высказывание мыслителя: «...само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться»). С этих позиций Бахтин предстает как философ-коммуниколог.

Подход Бахтина к общению проявляется преимущественно в его интересе к голосам различных персон(ажей), представленных в литературных произведениях. Этику интерсубъективности Бахтин строит на основе диалогичности, которой характеризуются гуманитарные науки, противопоставляя ее монологичности естественных наук с их «безголовыми» предметами. Между тем мысль Бахтина как философа коммуникации сама по себе стремится за личностные рамки непосредственно к подоснове и глубинной сущности бытия. Не удивительно поэтому, что

проводятся параллели между идеями Бахтина и, например, Г. Бэйтсона при осмыслении «экологической этики», в связи с чем бахтинская методология приобретает характер мета-диалогичности (ср. *Ecology and Carnival: Traces of a «Green» Social Theory in the Writings of M.M. Bakhtin* // *Gardiner M. Theory and Society*. Vol. 22. No. 6. Dec. 1993. P. 765 — 812). Такая мета-диалогичность может быть задействована и в рамках так называемых «постчеловеческих», или «постгуманитарных», исследований, в которых рассматриваются новые формы коммуникации человека и различных искусственных существ. Именно такая коммуникативная трактовка философских идей Бахтина позволяет более адекватно отразить эвристичность понятия ответственности как неотъемлемой человеческой способности, в которой сходятся этика и онтология. (В скобках можно отметить, что перевод «ответственности» как «*answering*» — лишь один из возможных вариантов: ср. такие варианты, как «*answerability*» и «*response-ability*», которые, как представляется, лучше передают смысл бахтинского термина. Последний термин, кстати, был использован в названии специального номера «*Russian Journal of Communication*» — «*Bakhtin and Our Response-ability*». Vol. 1. № 3. Summer 2008.)

Наша ответственность включает в себя попытки углубиться в детали биографии Бахтина и прикоснуться к самым потаенным смыслам его личности. Подобные попытки позволяют полнее осмыслить (его и наше) бытие как общение, что не противоречит, а прямо соответствует диалогическому духу бахтинской методологии.

Время, однако, не стоит на месте, и Бахтин как личность постепенно превращается в слово о (Бахтине как) личности, т.е. мифологизируется. По определению А.Ф. Лосева, миф — это развернутое магическое имя, и именно мифом в подобном истолковании становится Бахтин как философ, создавший уникальный язык, который оказался способным выразить наиболее фундаментальные свойства сущности бытия. Продолжая мысль А.Ф. Лосева, М.Н. Эпштейн отмечает (см.: *Sola Amore: Любовь в Пяти Измерениях*. — М.: ЭКСМО, 2011. — С. 405), что для развертывания мифа имя должно стать нарицательным, раскручиваясь на всех своих парадигмальных осях, т.е. превращаясь, например, в наречие, прилагательное, глагол. Именно это, как представляется, происходит с именем Бахтина, о чем красноречиво свидетельствует прозвучавший на конференции термин «*to bakhtin*» применительно к современности (ср. «бахтинить современность»). Показательно, что имя Бахтина превращается не в существительное (ср. «кантианство») и не в прилагательное (ср. «хабермасовский»), а в глагол, т.е. обладает наиболее активной динамической силой. Можно было бы даже перевести «*to bakhtin*» как «разговаривать» в смысле «разговорить кого-то». Бахтин именно «разговаривает» современность, позволяя самому бытию говорить все новыми и новыми голосами.

Владимир СУЛИМОВ

Знакомство с содержанием докладов на XIV Бахтинской конференции заставляет задуматься над проблемой освоения идейного наследия М.М. Бахтина в условиях развития новых направлений гуманитарного

знания, в том числе когнитивно-семиотического направления, исследующего взаимоотношения человека-в-культуре, интеллектуального пространства культуры и текстов культуры.

Уже в работах раннего периода М.М. Бахтин обнаружил зону, формирующую сознание человека: это зона расширения смыслов, расположенная на грани области смыслов и способов их презентации. И то, и другое демонстрирует признаки диалогичности, сообщая обязательное диалогическое смещение любому концептуальному образованию: слову, высказыванию, тексту. Зона расширения обладает, как минимум, двумя фундаментальными свойствами: интерперсональностью и интертекстуальностью, а перенос этих свойств во внутренний (ментальный) мир индивидуума (то, что психологами школы В.С. Выготского было названо «интериоризацией») оказывается причиной гиперстазии внутренней (мыслительной) и внешней (текстовой) диалогичности. Фактически М.М. Бахтин предвосхитил доминантные проблемы гуманитарного знания XX – XXI веков: проблему континуальности значений и знаков, проблему ситуативности и деонтологизации смыслов, проблему множественности и параллельности интерпретаций и, наконец, проблему полевых (пространственно-временных) структур в философии культуры, культурологии, лингвистике, литературоведении, семиотике, теории коммуникации. М.М. Бахтин создал теоретические предпосылки для метаязыковых и гипертекстовых исследований, которые через посредство семиотических и литературоведческих работ Р. Барта, Ю. Кристевой и У. Эко привели к постструктуралистскому, а затем и к постмодернистскому пересмотру семиотики, к ее преобразованию из науки о закономерностях взаимодействия знаков в пределах знаковых систем (языков) в науку о закономерностях образования и существования человеческого типа сознания, основанного на восприятии целостных текстов культуры, их группировок и объединений внутри больших информационных пространств. Становится все более ясным, что появление и развитие современных информационных (интеллектуальных) систем, становление Интернета – прямой результат влияния зоны расширения смыслов на социальные и технологические усилия отдельных исследователей и целых интеллектуальных корпораций, выдвинувших идею относительно самостоятельного (самовоспроизводящегося) существования когнитивных систем. Человек становится не носителем когнитивно-семиотических стандартов (как того желали бы сторонники концепции «стандартного» и «правильного» социально-культурного существования человека), а инициатором «нового знания», производящегося индивидуальным со-знанием за счет реализации внутренних диалогических ресурсов (как правило, образно-ассоциативного типа) и одновременной попытки встраивания результата в интеллектуальное пространство культуры. Человек становится когнитивно активным интеллектуальным семиотическим устройством, обладающим, по словам Кристофа Вульфа, желанием и способностью «видоизмененно реализовывать задуманное».

Двумя наиболее очевидными эпистемологическими уроками когнитивно-семиотической модели М.М. Бахтина являются, во-первых,

устранение из набора интеллектуальных практик логико-семантической процедуры отождествления и переход к преимущественно процессному мышлению, в норме предполагающему множественность возможных реализаций «истинностного» знания и, во вторых, прекращение внеконтекстной, идеологической по сути интерпретации отдельных высказываний в пользу «семантики больших пространств». Соединение в одном исследовательском поле семиотики и герменевтики, что характерно для многих современных работ в области гуманитарного знания, было бы просто невозможно без использования подходов, предложенных М.М. Бахтиным.

Ирина ФАДЕЕВА

Значимость идей Бахтина для современного гуманитарного знания очевидна, причем, как справедливо отмечено в весьма содержательном обзоре XIV Бахтинской конференции, сегодня можно говорить не только о постоянном расширении сферы их применения, но и о наметившихся тенденциях современной бахтинологии – с одной стороны, об экспансии философских идей Бахтина на новые предметные области, о формировании новых методологических подходов и использовании их в современных социокультурных практиках, с другой – о тенденции понимания персонологического ядра бахтинской философии. Одним из ее центральных понятий, позволяющих связать обе тенденции, является понятие диалогизма, в свете которого становится возможной антропологическая семиотика: антропология (персонология) текстов и кодов культуры.

Говоря о диалогизме гуманитарной мысли, М.М. Бахтин коснулся важного вопроса антропологических оснований текста, который, расширяя собственно лингвистические трактовки, можно понимать широко – как текст культуры. Согласно Бахтину, событие жизни текста, развиваясь на рубеже двух сознаний и не являясь ни чисто логическим, ни чисто лингвистическим отношением, – выступает как фактор существования сознания. Поэтому текст может быть рассмотрен не просто как отражение сознания и даже не только как его этическое и эстетическое «завершение». Текст является тем «другим» по отношению к сознанию, которое делает сознание нетождественным себе. Каждый раз заново «завершаясь» в тексте, сознание разрушает собственную самотождественность, как и самотождественность воспринимаемого и переживаемого им мира. Постоянно выталкивая из собственного бытия внеаходимость, человек завершает себя в незавершенности. Неустойчивый мир семиотической неопределенности, в которую погружен человек как мыслящее и свободное существо, заставляет его перебрасывать семиотические мосты между множеством семантически неопределяемых величин. Исходя из герменевтики текста и сознания Бахтина, можно утверждать, что этот хрупкий мост между неопределенностями является основанием для формирования множества языков и кодов культуры, диалог между которыми становится толчком к постоянному приращению смыслов и расширению границ сознания. Стремительно расширяющаяся вселенная смыслов (а

смысл, по Бахтину, — это всегда ответ на вопрос, заданный субъектом диалога — другому; смысл возникает как событие жизни текста на рубеже сознаний) предполагает наличие некоторого устойчивого ядра, и определяющего понимание, и в то же время противостоящего ему. Если за текстом не стоит язык, пишет Бахтин, это не текст, и значит, можно предположить существование общей логики знаковых систем, наличия единого «языка языков». Но, продолжает Бахтин, этот универсальный язык не может стать единичным языком.

В связи с этим следует отметить важную мысль, прозвучавшую на XIV Бахтинской конференции: идеи персонизма и диалогизма М.М. Бахтина, выявляя пути формирования речи и сознания, имеют непосредственное отношение к педагогической деятельности, обретая, добавим, особую актуальность применительно к тем процессам, которые происходят в современном образовании. Именно педагогический процесс является (или должен являться) полем действия тех механизмов, которые были обнаружены Бахтиным в сознании и жизни человека. Очевидно, что эффективность образовательной деятельности определяется не только формированием диалогического пространства, включающего в себя многообразные тексты культуры, но и возможностью их интериоризации посредством усвоения языков культуры и, в конечном счете, формирования универсального, но продуцируемого данным индивидуальным сознанием кода, т.е. встраиванием индивида в пространство культуры. Согласно Бахтину, код представляет собой затвердевший, застывший текст, а значит — вне текста нет кода. Но без «вращения» языка (и шире — языков культуры) во внутреннюю речь нет сознания как пространства внутреннего диалога, нет личности, нет поступка. К сожалению, современная школа все дальше отходит от идей М.М. Бахтина.